

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Н. Н. Цветаева

На границах истории и биографии:
старые и новые ценности в процессе
социальных изменений

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Zvetaeva.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

**НА ГРАНИЦАХ ИСТОРИИ И БИОГРАФИИ:
СТАРЫЕ И НОВЫЕ ЦЕННОСТИ
В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Артикуляция жизненных историй — это та деятельность, через которую в жизнь привносятся смысл и цель.

З. Бауман. Индивидуализированное общество.

М. «Логос». 2002. с.17

Автобиографии, воспоминания, дневники, семейные хроники и другие свидетельства людей о прожитой ими жизни — уже признанный в современной социологии источник социального знания. Богатый материал таких свидетельств, биографических нарративов¹, служит источником многообразных проблематизаций в рамках широкого круга исследовательских интересов качественной социологии.

Исследование биографических нарративов, результаты которого я здесь представляю, было посвящено тому, как менялись представления и ценностные ориентиры общества в процессе социальных изменений, начатых перестройкой, и, в частности, почему очень многие люди, активно принявшие эти перемены, стали возвращаться к ценностным ориентирам советского времени и ностальгически переоценивать прошлое. Основой этого исследования стали материалы биографического конкурса «Жить в эпоху перемен», проведенного Биографическим фондом Социологического Института РАН² осенью 2000 г. среди жителей Санкт-Петербурга. Тема конкурса предлагала участникам не только описать историю их жизни, но и уделить особое внимание последнему десятилетию XX века, принесшему обществу радикальные перемены.

В традиционных социологических опросах того времени эта проблема — изменение ценностных ориентиров под влиянием происходящих в жизни общества радикальных перемен — решалась выяснением соотношения либеральных и советских ценностей, которые респонденты выбирали из перечня предложенных исследователями ценностных концептов. Однако результаты этих опросов почти невозможно

---

¹ Термин «нарратив» (англ. — рассказ, повествование) используется многими гуманитарными науками, занимающимися изучением и интерпретацией текстов. В западной социологии этот термин является общепринятым обозначением любых текстовых данных «качественного» характера. — Подробнее об использовании этого термина см.: Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3; Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора // Социология: 4М. 2003. № 17/

² Биографический Фонд Социологического Института РАН был создан в 1989 г. В настоящее время Фонд насчитывает около 600 биографических материалов представителей всех слоев общества. Фонд составляют биографические дневники, интервью и материалы биографических конкурсов.

было сравнивать из-за различий не только в смысловых характеристиках этих концептов, но и в структуре экспертного знания, вносящей свои коррективы в обзор получаемой разными исследователями картины.

Еще одним и более надежным способом исследовать изменения ценностных ориентиров было изучение мотивации достижения, которая считается одной из основных ценностей эффективного рыночного общества¹. Типологии адаптивного поведения, которые строились по результатам опросов населения, в основном опирались на составляющие этой ценности — активность, рациональность и стратегический расчет человека в его адаптации к переменам. Но результаты построенных таким образом типологий говорили о том, что и через десять лет перемен, которые должны были активизировать мотивацию достижения, преобладали пассивные формы адаптации. Выросло число считающих себя «неприспособляемыми», значительно чаще встречался вариант «понижающей адаптации» и стабильно малым был вариант «повышающей адаптации». Отмечалась также сложившаяся ностальгическая переоценка советского прошлого².

На фоне этих неутешительных результатов опросов населения, биографические нарративы участников конкурса «Жить в эпоху перемен» позволяли посмотреть на процесс происходящих изменений не на уровне экспертных обобщений, а изнутри, представив оценки и суждения людей в контексте реалий их жизни. И хотя качественное социологическое исследование, в рамках которого изучаются и интерпретируются нарративы, не предполагает статистических обобщений, его итогом оказывается описание диапазона возможностей и социальной типики исследуемых феноменов, которое позволяет увидеть тенденции, скрытые за статистикой массовых опросов.

На конкурс «Жить в эпоху перемен» было прислано около 100 биографических нарративов, интерпретация которых проводилась в нескольких направлениях и на нескольких «мини-выборках». В данной статье представлены результаты интерпретации нарративов трех образованных женщин, принадлежащих к так называемому советскому среднему классу, для которого драма столкновения старых и новых ценностных ориентиров оказалась наиболее осязаемой.

«Это унижительно для меня»

Сначала рассмотрим случай, когда ценностные ориентиры советского времени оказываются стойкими и сопротивляются изменениям. Проиллюстрируем этот случай биографическим нарративом женщины 1941 года рождения.

Биография этой женщины в определенном смысле представляет собой «классический» образец жизни советского инженера, все ступени которой соответствовали нормам того времени. Она пишет:

Родилась в Ленинграде в рабочей семье. Училась хорошо, занималась спортом, была в литературном кружке... После школы поступила в Военно-Механический институт и была распределена в конструкторское бюро Кировского завода, где проработала

---

¹ См., например: Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.

² См., например, результаты одного из самых репрезентативных исследований того времени: Левада Ю.А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность, 2000, № 6.

всю свою жизнь. Ушла на пенсию в 1997 году в должности конструктора 1-й категории. За время работы награждена медалью «За трудовую доблесть», «Ветеран труда».

На заводе она «встретила свою судьбу, своего будущего мужа», и ее семейная жизнь также сложилась весьма успешно. На сегодняшний день у нее и у ее дочерей есть квартиры, которые она называет «основой жизни для любой семьи». Возможно, сама успешность ее жизни в советское время, нарушенная перестройкой, которую она «сначала встретила с воодушевлением», делают ее «сторонником коммунистов». Во всяком случае, некоторые иллюзии в ее воспоминаниях о достоинствах социализма очевидны:

Да, тогда тоже было много недостатков, но до такого цинизма прошлая власть не доходила. В нашем государстве, кто хотел, тот мог получить образование, медицинскую помощь, даже будучи студентами, ездили на юг отдыхать, дети все без исключения учились в школе, отдыхали в пионерских лагерях.

А в семидесятых годах было вообще замечательно, хочешь квартиру — покупай, хочешь машину — тоже покупай и даже в рассрочку. Это было всем по карману, кто, конечно, не был пьяницей. Вот мы же смогли с мужем на свои оклады и без помощи родителей (оба из многодетных семей) купить квартиру, машину гараж, вырастить 2-х двойняшек, выучить их и выдать замуж. Мы свои обязанности выполнили на все 100%, а сейчас? Мои внуки учатся в очень хорошей школе, но я не уверена, что моя внучка, которая пойдет в 7-й класс, со временем получит высшее образование.

Тем не менее реальные основания для критики перемен у нее также есть, когда она описывает развал работы своего КБ и другие проблемы. Но самый характерный для описания ее позиции фрагмент, своеобразная «кода» ее рассказа, — это объяснение ее нежелания прибегнуть к новым практикам зарабатывать на жизнь:

В ноябре у нас дома каждый год встречаемся с бывшими сослуживцами. Нас перестройка раскидала кого куда, и теперь ни одной из нас не осталось в КБ. Некоторые уже пенсионеры и не работают, другие работают, например у новых русских убирают квартиры, сидят с их детками. А ведь эти женщины все получили высшее образование, были неплохими специалистами. Вот и меня одна женщина упрашивала пойти в домработницы к ее директору, но я отказалась, посчитала, что это унижительно для меня. Звали меня снова в наше КБ, но там за эти годы еще хуже стало, поэтому тоже отказалась, хотя силы поработать у меня еще есть. Вот на свою Родину я бы еще поработала, а на государство — нет, так как в настоящее время государство существует отдельно от народа.

Возможности зарабатывать, которые предлагают этой женщине новые условия жизни, она расценивает как унижительные. (Можно более ясно обозначить ее позицию, если напомнить, что домработница у богатых людей получала тогда значительно больше, чем инженер Кировского завода). В этой позиции отчетливо выражено вполне понятное с точки зрения ценностей советского времени нежелание терять статус и неприятие новой модели социальной стратификации и новой жизненной перспективы, в которой «деньги» заменяют «культурный престиж». В принципе, такое столкновение «денег» и престижа не может иметь места в современном стабильном обществе, хотя история советского общества опровергает это. Так, советским людям было не привыкать, что статус и доход могли существенно расхотиться и инженер,

например, мог зарабатывать меньше рабочего. Если рассуждать с точки зрения теории культурного производства П. Бурдьё¹, можно сказать, что эффекта гомологии, т. е. соответствия между позицией индивида в области экономики и его позицией в сфере культурного потребления, в советском обществе не наблюдалось. В нем существовали другие соответствия, которые определялись идеологически. И в позиции респондентов с высшим образованием, как свидетельствует анализ биографических нарративов, это проявлялось и проявляется вполне отчетливо.

Итак, можно сказать, что автор этого биографического нарратива явно ориентирована на нормы и ценности советского общества, в котором гораздо важнее были статусные механизмы, чем рыночные. В ее позиции отражается также особая роль высшего образования в советском обществе, которое в условиях запрета предпринимательской деятельности оказывалось едва ли не единственным средством повышения социального статуса. Кроме того, в ее позиции читается признание «неправедности» многих из практик, которые теперь признаны легальными, а в советское время были нелегальными.

В целом, как свидетельствуют биографические нарративы участников конкурса, эта позиция довольно типична. Только крайняя нужда заставляла тех, кто получил высшее образование и профессию в советское время, идти на неквалифицированную, но хорошо оплачиваемую работу. При этом нежелание терять обретенный в советское время статус особенно сильно проявлялся у людей, принадлежащих к образованным слоям общества в первом поколении. По всей видимости, для них культурный капитал обладает особой ценностью, так как обретен исключительно собственными усилиями.

«Но сейчас уже смотрю на все иначе»

Приверженность ценностным ориентирам советского времени не всегда оказывается такой неизменной, как в описанном выше случае, когда человек даже не прибегает к новым практикам, считая их унижительными, и живет в русле прежних предствлений. Биографические нарративы иллюстрируют случаи, когда человек делает множество попыток адаптироваться к переменам и принять новое, но все эти попытки оказываются безуспешными и оставляют его в смятении, фактически возвращая к прежним ценностям. Одна из таких историй принадлежит женщине 1938 года рождения, работавшей всю жизнь инженером-строителем в проектных институтах.

Став в 50 лет пенсионеркой (так как последние 16 лет перед выходом на пенсию (в 1988 году) она работала на Севере, в Мурманске), она решает помочь родителям, живущим в Новокузнецке, и дочери, которая, уехав в 1983 году в Ленинград учиться, вышла там замуж, родила внучку и живет с мужем в общежитии. Вот как она пишет об этом времени:

И начала мигрировать каждые 6 месяцев между Мурманском и Новокузнецком с остановкой в Ленинграде, часто вместе с внучкой. Денег нужно было немеряно, а взять их было негде. Накоплений, хоть и жила на Севере, практически не было. Тут стали исчезать товары. Чтобы иметь хоть какую-то прибавку к пенсии, начала приторговывать...

---

¹ Bourdieu P. *Distinction. A Social critique of the judgment of taste*. New York: Routledge. 1989.

Итак, если в первом биографическом нарративе речь шла об отказе от новых возможностей зарабатывать на жизнь, которые были названы унижительными, то здесь речь идет об активных попытках наладить жизнь в новых условиях, несмотря на их унижительность:

Тогда около каждого магазина стояла длинная цепочка таких продавцов. Периодически появлялась милиция, и мы как зайцы разбегались со своим товаром. Или появлялась какая-то шпана, которая могла что-то схватить или потребовать денег. Противно это было до невозможности. Было унижительно бегать от милиции. Новокузнецк — город, где зимы холодные. И даже два-три часа выстоять непросто...

Следующей (судя по описанию, не только унижительной, но и опасной) практикой этой респондентки стала работа в Новокузнецке кассиром «на водной станции» (прокат лодок), куда ее «по блату» устроил отец, работавший там сторожем. Здесь она столкнулась уже со «сплошным криминалом»:

Начальница мне популярно объяснила, как надо работать, чтобы мне было хорошо и всем было хорошо. Я поняла, что мне предстоит. Проработав всю жизнь на проектной работе и получая деньги только по ведомости в кассе, мне было сложно решиться на это. И деваться-то было некуда. Постоянные разъезды, дочь с внучкой практически на мне. И начался сплошной криминал. Приходя домой, я начинала работу с квитанциями, в результате которой сдавала по квитанциям 50% выручки, а 50% отдавала лично в руки своей начальнице, из которых мне выдавалось 70-100 р. в день. Для меня это были огромные деньги. Моя пенсия была 120 р. Столько денег у меня не было никогда в жизни. Часто, закончив работу с квитанциями, я выходила на балкон покурить... И глядя на звезды, я думала, в каком же дерьме мне приходится крутиться...

После смерти родителей жизнь этой женщины перемещается в Мурманск, где у нее есть квартира, и в Петербург, где живет ее дочь с семьей. Пытаясь обменять свою мурманскую квартиру на петербургскую, она опять попадает в криминальную историю, столкнувшись с угрозами своего соседа, бывшего раньше электриком в домоуправлении, а теперь ставшего очень серьезным человеком:

А в следующий свой приезд в Мурманск я увидела соседа, въезжающего во двор на «Ситроене». В домоуправлении он уже не работал. Он просто нигде не работал. Как такое могло случиться, я не понимала. Была пьянь-перепьянь, а сейчас разъезжает на «Ситроене». Соседка как-то, оглядываясь по сторонам, мне говорит: «Толик-то в мафии!». Это про моего соседа. Господи! Откуда в нашем тихом Мурманске мафия...

Респондентка проявляет незаурядную смелость и, справившись с угрозами «соседа-мафиози», продает мурманскую квартиру. Но, купив «маленькую двухкомнатную квартиру в спальном районе Петербурга», она опять оказывается вынужденной прибегнуть к не совсем законным уловкам:

Вот так и жили. Я прописана в квартире, в которой они (дочь с семьей) жили. А я живу в их комнате в общежитии, где прописаны они. Вот дочери и пришлось, как переехали они в мою квартиру, снова идти преподавать в школу, чтобы внучку взять.

Денег по-прежнему не хватает и ей снова приходится «думать о работе». И опять все ее «практики» — работа кассиром на площадке аттракционов в Парке Победы, продавцом в маленьком магазинчике, контролером на игровых автоматах — в

той или иной степени оказываются унижительными и сталкивают ее с криминалом. Это наезд налоговой инспекции, угрозы бандюганов и т. п. Вот как она резюмирует свой рассказ об этой деятельности:

И такое впечатление, что до ухода на пенсию вроде никто меня ни на что не провоцировал. И не было у меня в жизни таких ситуаций...

Да, видно уж у нас на Руси без криминала не бывает, там где работа с деньгами идет...

Еще одной «краской» в ее разностороннем, активном и смелом стремлении адаптироваться к жизни в новых условиях становятся ее попытки стать акционером и заработать таким образом на квартиру дочери. Вот как она описывает эту, можно сказать, совсем необычную для советского человека, деятельность:

Начал следить за котировкой акций наших питерских предприятий. Деловое обозрение — рубрику из «Часа пик» — чаще всего просто не могла выбросить. Завела себе папку, где собирала все таблицы с котировками акций...

Акции бурно начали расти в цене. Начала я постоянно забегать в фондовый магазин на Невском. Лихорадочно считать! Ну, еще чуть-чуть и хватило бы на квартиру. Но чуть-чуть не получилось. Ахнул кризис в августе 1998 г. Если бы кто-нибудь накануне мне подсказал продать эти акции и перевести в доллары деньги!

Итак, все активные попытки вписаться в новые условия и новые практики дорого стоили этой женщине, заставив ее пройти через целый ряд унижений и фактически изменив ее взгляды, которые она отстаивала в начале перестройки:

Споря с отцом когда-то, я обвиняла КГБ во всех смертных грехах. Но сейчас уже смотрю на все иначе. Бесконечная работа, вечно связанная с криминалом, жуткие разборки с квартирой... В стране все перевернулось с ног на голову... Я так устала от всего, что творится у нас вокруг. И не поймешь, какой у нас строй. И кто у нас правит всем в государстве. И почему эта «мафия» сильнее государства. Газеты пишут о ком-нибудь, что он связан с криминалом, а он выставляет свою кандидатуру на выборах...

Итоги своего биографического рассказа она подводит следующим образом:

Мне не нравилось то, как мы жили при социализме. Проработав целую жизнь, мы практически ничего не имели. Была малюсенькая квартира. Даже работая на Севере, не так просто было купить машину рядовому исполнителю. Вечные проблемы с мясом, сыром, деликатесами. Все это имела только Москва и Ленинград. Большую часть жизни я прожила в Сибири и знаю, что такое дефицит. Ну разве это нормально? А теперь что? Страна завалена этим самым дефицитом. Так денег нет! Работы нет!

И сейчас думаю, а что ждет моих детей, моих внуков? Как им жить? Они, конечно, не попадут в тот маленький процент, который имеет все. Не будут иметь коттеджей, дорогих машин. Да и бог с ним. Но хотя бы работу имели нормальную. Чтоб жили без страха попасть постоянно в какую-нибудь криминальную ситуацию.

Итак, новые возможности, которые обрела автор этого биографического нарратива в результате происходящих в стране перемен, она не считает работой, точнее, нормальной работой. Такой работой, которая, по крайней мере, позволяет не бояться попасть постоянно в какую-нибудь криминальную ситуацию, не говоря уже о возможностях самореализации и достижениях, которые в принципе может дать человеку

нормальная работа. Кроме того, все ее разнообразные и активные практики оказываются направленными не на то, чтобы удержать социальную позицию, а только на то, чтобы прокормиться, выжить. И цена, которую ей пришлось заплатить за это выживание, — унижение и страх.

«Копить деньги. Но зачем?»

Предыдущие биографические нарративы хорошо дополняет и оттеняет следующий. Его автор — женщина 1940 г. р., которая, будучи старшим научным сотрудником университета и кандидатом наук, в советское время могла позволить себе творческую и довольно свободную от режима жизнь, которую сегодня она с иронией называет «сладкой жизнью». Эта «сладкая жизнь» закончилась в эпоху перемен вследствие того, что финансирование исследований в области астрономии, которыми она занималась, прекратилось. Тем не менее, процесс перемен она оценивает как положительный:

Так что, хотя лично я при этом только потеряла, процесс в целом был положительным — нищему народу не под силу было содержать тысячи научных учреждений, дублирующих разработки друг друга.

Свой опыт «понижающей» адаптации к переменам она описывает также иронично, как и свою закончившуюся «сладкую жизнь» научного сотрудника. В этот опыт она включает попытки зарабатывать на жизнь другими видами деятельности: азартную работу помощницей черного маклера в течение года, которая не принесла ей никакого дохода; репетиторство, которое носило сезонный характер; работу учителем в частной школе и, наконец, писание фельетонов, которое она практикует и сегодня, называя фельетоны самым дефицитным жанром.

Конечно, статус этой женщины, научного сотрудника со степенью, в советское время был более высоким, чем у авторов первых двух рассказов, что хорошо видно как в ее ироничных описаниях жизненного пути, так и в используемых ею практиках. Возможно поэтому ее «понижающая» адаптация не выглядит унижительной. Однако в ее отношении к новым ценностным ориентирам и, прежде всего, к мотивации достижения, считающейся одной из основных ценностей эффективного рыночного общества, читается серьезное ограничение, хотя и выраженное вполне оптимистично:

В силу невысоких запросов (есть крыша над головой, еда и чем прикрыть стыд) моя жизнь мне снова нравится. Да, я могла бы набрать абитуриентов, заниматься с ними с утра до ночи математикой и копить деньги. Но зачем? Купить лишнюю тряпку я при этом смогу, а виллу на Канарах — нет. Т. е. вкалывай как лошадь или не вкалывай, а в другой социальный слой не перейдешь... Я предпочитаю, особо себя не утруждая, заниматься поперечно, — но всегда с удовольствием! — то математикой, то сочинительством.

В этом оптимистичном ограничении собственной мотивации к достижению, по всей видимости, можно прочесть критику сложившейся ситуации. Возможности, которые обнаружились в меняющемся обществе, оказались очень суженными и поставили перед многими вопрос о «цене» достижения — ради чего «вкалывать». Как свидетельствовали и другие биографические рассказы участников конкурса, люди часто платили высокую цену — унижением и страхом — только за то, чтобы просто выжить. При этом они все же теряли прежние социальные позиции, на достижение которых затратили в свое время немало труда и усилий.

Заключение

Факты «переоценки ценностей» и ностальгии по советскому времени были зафиксированы и традиционными социологическими опросами населения. Однако интерпретация биографических нарративов участников конкурса «Жить в эпоху перемен» дала возможность увидеть этот процесс более содержательно и, тем самым, позволила сделать некоторые заключения, отличные от выводов массовых опросов.

Так, представленные в нарративах способы адаптации людей к происходящим изменениям подтверждали важное положение современной социальной теории. Происходящие изменения всегда обусловлены не только новыми «правилами игры», установленными властью. Они во многом обусловлены также и тем, как эти правила в результате разного рода практик повседневной жизни (в том числе и называемых по результатам опросов населения «пассивными») становятся привычными для людей или же обходятся ими, не принимаются¹.

Нарративы проясняли и еще одно положение социальной теории. Для объяснения мотивации достижения, считающейся одной из основных ценностей эффективного рыночного общества, недостаточно обращения к стандартной рациональности. Люди часто ведут себя нерационально. «Агенты в некотором роде, скорее, натываются на собственную практику, чем выбирают ее свободно или подталкиваются к ней путем механического принуждения»². Это значит, что мотивацию достижения (как и другие ценности) необходимо рассматривать как результат пересечения многих причинных взаимосвязей, тесно связанных с конкретным социально-культурным контекстом³.

И, наконец, нарративы говорили о том, что адаптивные практики и мотивирующие их ценности нельзя строго разделить на старые и новые. Как известно, в советское время многие из используемых сегодня практик были довольно редкими, а некоторые из них нелегальными, и в процессе перемен превратились в массовые и легальные. Иметь в виду их сегодняшнюю массовость и легальность, их можно назвать новыми, но, если говорить об истории их становления до того, как они появились в массовом масштабе, они давно уже новыми не являются. Это переплетение старого и нового оказывается значимым для характеристики взаимосвязи практик и мотивирующих их ценностей, позволяя прочесть не только историю их появления, но и наиболее рельефные «узлы» этой взаимосвязи, и тем самым увидеть, как в переломные эпохи жизни общества происходит «переоценка ценностей» и, соответственно, меняется логика повседневной жизни и логика культуры общества в целом.

---

¹ Это положение современной социальной теории в нашей литературе наиболее полно проанализировано в ряде работ Козловой Н.Н. См., например: Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996.

² Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 161.

³ Радаев В.В. Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 1997. № 1.